2. Кьеркегор С. Понятие страха. Пер. с дат. Исаевой Н. В., Исаева С. А. М.: Академический проект, 2014. — 224 с. (2-е изд.)
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. - 250 с.
4. Уэльбек М. Г. Ф. Лавкрафт: Против человечества, против прогресса / Пер. с фр. И. Вайсбура. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
5. Harman G. On the horror of phenomenology: Lovecraft and Husserl // Collapse. 2008. Vol. IV. P. 333 – 364.
6. Lovecraft H. P. Complete Works of H. P. Lovecraft // Delphi Classics, 2013.

Губенко А.В.

Стихотворение П.Б. Шелли «Mutability»: опыты русских переводческих интерпретаций

*Ростовский государственный экономический университет
(Россия, Ростов)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-402

idsp: ljjournal-06-2020-402

Аннотация

Статья посвящена исследованию лексических, грамматических и синтаксических особенностей и способов перевода стихотворения П. Б. Шелли «Mutability» в русских вариантах. В соответствии с поставленными целями и задачами были сравнены и выявлены особенности перевода данного стихотворения, выявлены признаки организации поэтического текста, проанализированы стилистические особенности поэтического текста в английском и русском языках.

Ключевые слова: перевод поэтических произведений, сопоставительный анализ, переводческий анализ.

Abstract

The article is devoted to defining the lexical, grammatical and syntactic features and methods of translating P. B. Shelley's poem "Mutability" in Russian variations. In accordance with the objectives and tasks set, the translation features of this poem have been compared and revealed, signs of the organization of the poetic text have been identified, and the stylistic features of the poetic text in English and Russian have been analyzed.

Key words: translation of poetry, comparative analysis, translation analysis.

Введение. Произведения английского романтика Перси Биши Шелли (1792-1822) справедливо считаются трудно переводимыми. Сложность перевода его поэзии заключается в ярко выраженном философском уклоне его творчества. Стихотворения П.Б. Шелли бросают вызов переводчику с любым стажем и опытом работы. Стихотворение «Mutability» (1824) не является исключением – это произведение стало вызовом для многих русских переводчиков. С первых строк переводов можно заметить разночтения. Даже название стихотворения передано на русском языке по-разному: К. Бальмонт перевёл название как «Превратность», а В. Лунин как «Изменчивость».

В стихотворении «Mutability» Шелли представляет тему вечной изменчивости, с которой люди безуспешно борются всю жизнь. Он обнаруживает различное отношение людей к неизбежности изменений в их жизни, полностью поглощающей их. Данное стихотворение невольно оказалось в тени одноименного стихотворения Шелли, написанного в 1816 г. Оба стихотворения повествуют о неизбежных изменениях в природе и жизни человека.

На протяжении всего стихотворения «Mutability» Перси Шелли представляет различные аспекты изменений в жизни человека. Будем ли мы поддаваться ночи и исчезнем, как вспышка молнии, или останемся просто «забытой лирой» для музыканта,

эта изменчивость всегда будет присутствовать. Скоротечность времени, смертность рода человеческого показывают, что люди просто слишком слабы для борьбы с изменчивостью. Единственная истина в мире – это изменения.

Цель исследования заключается в сопоставительном исследовании фонетических, лексических, грамматических, синтаксических и поэтологических особенностей стихотворения П.Б. Шелли «*Mutability*» и его русских прочтений.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих задач: 1) обобщить специфику поэтического перевода; 2) изучить историю создания данного стихотворения; 3) выявить языковые и художественные особенности исходного текста; 4) выявить признаки организации поэтического текста, а также определить фонетические, грамматические, лексические, синтаксические особенности оригинала стихотворения; 5) выявить основные подходы к переводам творчества Шелли; 6) сравнить особенности русских переводов данного стихотворения разных переводчиков, а также определить их стиль.

Сравнительный анализ переводов стихотворения «*Mutability*»

Перевод К.Д. Бальмонта. Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942) является одним из самых ярких представителей поэзии Серебряного века, он же является автором трехтомного русского собрания переводов сочинений Шелли. Бальмонтов перевод стихотворения «*Mutability*» был издан в 1893 г.

Несмотря на хорошее знакомство с произведениями П.Б. Шелли, при переводе стихотворения «*Mutability*» Бальмонт стремится не только сохранить смысл написанного Шелли, но и поделиться своей собственной интерпретацией, «досказать» многое за английского поэта. Таким образом, у поэта-переводчика появляются многочисленные чужеродные слова, которые отсутствуют в оригинале стихотворения: «*глянет*» вместо «*smiles*», «*сверкнет*» вместо «*tempts*», «*счастия привет*» вместо «*delight*», «*тоска*» вместо «*proud despair*». Шелли чрезвычайно лаконичен и сдержан в своих сочинениях, в то время как Бальмонт делает акцент на эмоциональность, многословие и эстетство. Об этом не раз писал К. И. Чуковский: «Строка за строкой Бальмонт изменяет все стихотворения Шелли, придавая им красоту дешевых романсов» [1, с. 3]. В переводе стихотворения ярко проявляется натура Бальмонта. Переводчик часто прибегает к прилагательным и глаголам, связанных со стремительным движением: «*промчится*», «*сверкнет*», «*беглые молнии*», «*быстрые*».

Шелли проводит параллель с человеческой жизнью: «*Цветок, который улыбается сегодня / Завтра умирает*», сравнивая время суток с жизненным циклом, который соответственно заканчивается смертью. Шелли сопоставляет цветок с живым существом, с человеком, наделяя его способностью «улыбаться», что Бальмонт переводит как: «*Цветок чуть глянет – и умрет*», тем самым сохраняя персонификацию цветка. В переводе антитеза, присущая оригиналу (*сегодня-завтра*), исчезла, но смысл сохранился благодаря компенсирующему обороту «*Проживишь день всего*». Далее Бальмонт переводит: «*All that we wish to stay / Tempts and then flies*» как «*Мираж восторга нам сверкнет, / Глядишь, и нет его*». Слово «мираж» хорошо подходит по смыслу, так как у Шелли в этом произведении присутствуют мотивы буддийской философии, основная мысль которой в том, что все чувства и эмоции – это лишь иллюзия нашего сознания, некий мираж. Здесь у Бальмонта также можно проследить восхищение, в то время как в оригинале гораздо больше проступает чувство привязанности к земному.

Русский переводчик заменяет упоминания о нравственности эстетической красотой души, что близко по смыслу, но тем не менее не одно и то же: «*Как красота души хрупка, / Как редок дружбы смех*». В оригинале используется слово «добродетель», что заменяется на уязвимость, хрупкость.

Строки «*Пока лазурны небеса, / Покуда ясен день*» выполнены в контексте XIX века, где «лазурны небеса» – вероятная отсылка к произведениям Ф.И. Тютчева «Как

весел грохот летних бурь» и «Есть в осени первоначальной...». В строках «*Пока блестит цвет красы*» замечен несколько искусственный оборот, ведь краса не может блестеть (а вот оборот «*блестящая красота*» возможен).

Как уже было упомянуто выше, сутки в стихотворении играют важную роль, так как являются параллелью человеческой жизни. Бальмонт опускает упоминание ночи в следующих строках: «*И медлит скорби тень, – / Мгновенья быстрые считай*». Здесь же полная противоположность оригиналу, где английский глагол «*creep*» (то есть «крадется» или «идет маленькими шажками») трактуется Бальмонтом как что-то быстрое и стремительное. В строках «*Мгновенья быстрые считай, / Отдайся райским снам, мечтай, / Пробудись, – рыдай!*» заметно, насколько часто Бальмонт призывает читателя к действиям, в то время как в оригинале это отображается лишь несколько раз с помощью местоимения «*thou*». Структура английского текста позволяет двойное толкование, то есть предоставляет возможность воспринять это как эмфатическую конструкцию с инверсией порядка слов, как призыв «ты спи...» или как изъявительное наклонение «ты спишь... чтобы плакать».

Вне сомнения, перевод Бальмонта не свободен от инерции традиции XIX в.: удлинение стихотворного размера во избежание смысловых потерь ведет к многословности, водянистости стиля, пресловутые «бальмонтизмы» приносят в перевод стандартно-романсовую образность. Зато прочтение Бальмонта отличается музыкальной дикцией, поэтичностью и лиризмом, впервые познакомив русского читателя с поэтическим творчеством Шелли.

Перевод С. Бычкова. Сергей Сергеевич Бычков является современным российским писателем, поэтом и публицистом.

С первого взгляда на перевод стихотворения в его исполнении можно понять, что Бычков не злоупотребляет абстракцией, придерживаясь конкретики, как и сам Шелли. Строки «*Цветок, что ныне цвел, / К утру поник*» Бычков переводит корректно, передавая скоротечность жизни. Можно также предположить, что переводчик прибегает к стилизации под XIX век, используя слово «ныне». Глаголов в этих строках много, как и конкретных существительных, что делает текст динамичным и убедительным. На примере строк «*Так все, что ты обрел, / Исчезнет вмиг*» видно, что переводчик передает смысл емко и лаконично. Многие переводчики пытаются договорить за автора, чего Бычков избегает, оставляя как можно больше шеллиевского в подтексте стихотворения. В строках «*Что есть восторг земной? / Зарница в час ночной, / Смех озорной!*» переводчик передает то самое озорство, «насмешку над ночью» другими словами, добавок изменив порядок строк. Несмотря на такую перестановку, Бычков сохраняет смысл, рифму и ритм. В его переводе чувствуется легкость и естественность.

На примере строк «*Как редок верный друг! / Как зло гнетет!*» в переводе Бычкова снова меняет местами строки, при этом сохраняется их общий смысл. Можно предположить, что это сделано для того, чтобы сохранить рифму оригинального стихотворения. Оборот «*Как зло гнетет!*», в оригинале звучащий как «*Virtue, how frail it is!*», Бычков передает с помощью антонимического перевода. В оригинале добродетель уступает, а у Бычкова зло побеждает. Переводчик сообщает оригинальным строкам: «*Love, how it sells poor bliss / For proud despair!*» известную долю иронии: «*Пуста любовь без мук, / А жизнь идет*», затрагивая тему любви-страдания. У Бычкова очень конкретное мышление в переводе. Шелли говорит о том, что все в человеческой жизни проходит, у Бычкова это передается через отрицание: «*Без света, без мечты, / Средь вечной суеты, / Средь пустоты*». Его отрицания – это отголосок образов, которые Шелли использует в своем стихотворении. Можно также заметить, что у Бычкова вторая строфа – продолжение всего сказанного в первой части стихотворения. «*Искушает и затем улетучивается*» – это «вечная суета», «без света» – это смысловая отсылка к строкам: «*Молния, которая насмехается над ночью*», «мечта» –

это «Искушает и затем улетучивается». Бычков не отклоняется от образности, заданной самим Шелли, т.е. формально в некоторых строках неточен, но тем не менее передает общий смысл стихотворения.

Бычков легко пользуется различными переводческими приемами, в том числе антиномическим переводом. Его перевод передает основную мысль, которую вложил в стихотворение Шелли. Переводчик не боится досказать за поэта, но в то же время конкретен и убедителен. Перевод звучит естественно и органично.

Перевод В. Лунина. Виктор Владимирович Лунин – один из наиболее известных современных российских писателей и переводчиков. Он является автором тридцати книг стихов и прозы. Лунин перевел множество произведений Шелли, в том числе и «Mutability». В статье для журнала «Иностранная литература» Лунин писал о Шелли как о человеке невероятно сильных страстей и твердых убеждений.

Перевод Лунина можно назвать образцовым, потому что он сохраняет образность, строфику, ритм, рифмы и общий смысл стихотворения. В строке «Цветок, ласкавший глаз, / День-два – и вянет» Лунин близок к оригиналу. Здесь переводчик прибегает к использованию слова «вянет» вместо «умирает», что звучит более сдержанно и естественно. По сравнению с Бальмонтом уже с первых строк у Лунина значительно меньше драматизма, больше философской, почти стоической сдержанности. «Все, что мы желаем удержатъ», по Лунину, – то, что имеет ценность для человека. В глаголах «Уйдет, обманет» переводчик несколько замедляет темп стихотворения (в оригинале *flies* – «улетает, улечивается»). Использование слова *обман* подключает нравственную тему. В оригинале вместо обмана используется слово «искушение», что относится в первую очередь к земным, плотским желаниям: выпить, поесть, развлечься. Правда, толковый словарь С.И. Ожегова также дает религиозное определение слова как термина христианской морали и аскетики, обозначающего соблазн нарушить ту или иную заповедь, собственный обет, побуждение отступить от усвоенных принципов добра на позиции зла [6, с. 69]. «Обман», в свою очередь – это базовый принцип искушения. Здесь Лунин отлично справляется с переводом, так как находит более широкое толкование, нежели буквальный перевод слова. Строки «Что счастье? Молнии строка, / Чья вспышка коротка, / Зато ярка» звучат по-русски, естественно и психологически убедительно, а значит, прекрасно выполнены в языковом плане. Тем не менее появляется другой масштаб: от материального, земного и чувственного устремление к более высокому уровню. В оригинале используется слово «наслаждение», что Лунин переводит как «счастье». Толковый словарь В.И. Даля дает определение «счастья» как чувства и состояния полного, высшего удовлетворения [4, с. 78]. Таким образом, можно прийти к заключению, что переводчик правильно передал образ, нашел нужные слова.

В заключение можно прийти к выводу, что у В.Лунина гораздо выше степень объективности, чем у Бальмонта. Перевод Лунина безупречен с точки зрения норм использования русского языка. Лунин успешно сочетает точность и художественность в своем переводе, что немаловажно при переводе любого поэтического текста.

Перевод Ю. Косаговского. Юрий Косаговский является переводчиком-любителем, более известным читателям под инициалами Ю.К. По совместительству он художник, композитор и пианист. В первую очередь при прочтении перевода Косаговского в глаза бросаются знаки препинания, которые Косаговский добавил в текст. Так, например, он довольно часто заменяет оригинальные запятые многоточиями: «Хочешь владеть... – а придется / Видеть как соблазн – улечает...», «Пока чистые и голубые небеса... / Пока цветам сиять не лень... / Пока все замечают твои глаза...», тем самым придавая своему переводу некую задумчивость, недосказанность, что, к сожалению, сильно расходится с оригиналом. Это сообщает стихотворению ненужную мистику и недосказанность, в то время как у Шелли образы точны и конкретны.

С первых строк можно увидеть, как Косаговский преувеличивает смысл, изначально заложенный Шелли: *«Сегодня цветок улыбнется / А завтра уже умирает»*. Хотя переводчик точно передает по-русски английский глагол *dies*, однако в русском варианте смысл трактуется гораздо более драматично, чем в английском. Эмоциональный градус уже с первых строк отличается от оригинала. В строке *«Хочешь владеть... – а придется»* необходимо отметить не совсем точное определение, так как в оригинале выражение *«Все, что мы желаем удержать»* передает желание оставить все дорогое человеческому сердцу рядом, но не обязательно завладеть этим. Фраза *«Видеть как соблазн – улетает...»*, пусть и точно переведенная, нарушает правила русского языка: соблазн улететь не может, он способен разве что «улетучиться». Со строки *«Где в мире наслажденья источник?»* можно заметить, что Косаговский не чувствует изначального посыла Шелли. Это тем более проявляется в следующих строках: *«Молния, что ночь увлекает / Которая в темноте заблистает?»*, где речь идет далеко не об «увлечении», а о насмешке, озорстве или даже забаве. Здесь же Косаговский нарушает русскую пунктуацию, пренебрегая запятыми после слов «молния» и «увлекает», и синтаксис, поскольку «которая» у него относится к ночи, а не молнии (а нужно по смыслу наоборот).

В своем переводе переводчик не соблюл оригинальную перекрестную рифмовку, хоть и сохранил структуру стихотворения. По большому счету Косаговский прибегает к использованию женских окончаний. Очень часто употребляются грамматические рифмы по типу «улыбнется» – «придется». Единственные рифмы, которые можно обозначить как качественные, – «улетает» и «заблистает», благодаря присутствию согласной «т» основы. Грамматические рифмы – не самая большая погрешность поэтического перевода; к подобным рифмам прибегал даже Пушкин, поскольку это была поэтическая норма XIX в., однако ими лучше не злоупотреблять.

Основная проблема, с которой сталкивается Косаговский при переводе стихотворения «Mutability», – это конфликт точности и литературности. Как уже отмечалось, перевод должен полностью удовлетворять общепринятым нормам русского литературного языка. Каждая фраза должна звучать живо и естественно, без всяких намеков на чуждые русскому языку синтаксические конструкции подлинника. К сожалению, Косаговский не справляется с этой задачей в своем переводе.

Перевод Т. Кырымлы. Кырымлы Терджиман – довольно известный в узких кругах переводчик-любитель. С первых строк первой строфы перевода становится понятно, что Кырымлы делает попытку использовать высокую лексику: *«Цветок улыбчив днесь, / умрёт намедни»*, что совершенно неуместно, так как в оригинале этого и близко нет. Также он переводит: «намедни» вместо «завтра», «ночеса» вместо «ночь», «сластись» вместо «спи». Из ниоткуда появляются слова, которые даже не подразумевались в контексте оригинала: «бредни», «сполох-спор», «триумф» и шокирующий читательское восприятие «тихой палач». К тому же большинство из этих выдуманных слов стоят в конце строк, что накладывает на них эмфазу – смысловое ударение. Все вышеперечисленное оставляет неизгладимое впечатление стилистической небрежности и лексической нелепицы.

Концовка стихотворения в переводе Кырымлы вовсе с противоположным оригиналу смыслом: *«Пока ползёт тихой палач, / Мечтай – и снов своих не прячь, / Проснёшься – плачь»*. Стихотворения Шелли нередко бывают меланхолическими по настроению, однако по своей натуре Шелли – оптимист. Кырымлы стремится поделиться своей собственной интерпретацией, «заслоняя» собой английского поэта. Порой в поэтическом переводе не обойтись без личной интерпретации, но злоупотребление этим приводит к кардинальному изменению смысла стихотворения. Возможно, переводчик не до конца понял значения отдельных английских слов (Например, строки оригинала: *«Молния, которая насмехается над ночью, / Такая же быстрая, как и яркая»* Кырымлы ошибочно переводит как *«Тьме вызов, сполох-спор, /*

он вкратце ярко,...вздор») или ему не хватило знаний русского языка («минает, бредни», «о ми`нуви́м поём», «сластись днём ты»). Подобные недостатки зачастую можно встретить у переводчиков-любителей.

На основании проделанного анализа можно прийти к выводу, что данный перевод неадекватный, не соответствующий цели этого вида деятельности. Подобное зачастую приводит к превратному представлению о поэтах, часто малоизвестных массовому читателю. Если он и представляет какой-либо научный интерес, то исключительно как косвенное свидетельство популярности Шелли в широких читательских кругах.

Заключение. Изменчивость – сквозная тема всего творчества П.Б. Шелли. Английский поэт-романтик показывает, что, как и изменения в природе, человеческая жизнь ничтожна и будет легко забыта. Несмотря на попытку человечества противиться этим изменениям, они остаются реальным фактором жизни, и людям остается лишь принять его.

Итак, поэтический перевод должен быть «живым» близнецом оригинала и правильно передавать смысл, идеи, структуру, музыкальность и лексику подлинника. Поэтический перевод накладывает множество ограничений, которые не все переводчики способны вынести. Перевод любого поэтического текста считается литературным процессом, требующим не меньше творческих усилий, чем написание оригинала. Важно не только передать смысл, но и сохранить прагматику, эстетику и поэтическую организацию. Однако абсолютного тождества подлинника и перевода достичь невозможно. Во многих из проанализированных переводов буквальность нарушила поэтический текст в стилистическом плане, искажая стихотворение. В результате проведенного анализа было установлено, что не все переводчики смогли адекватно передать мысль, которую Шелли хотел донести до читателя.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 4. Р-Я – М.: Рипол Классик, 2006. – 1744 с.
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
3. Левый И. Искусство перевода [Текст] / пер. с чеш. В. Россельса. – М.: Прогресс, 1974. – 398 с.
4. Луков В.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней [Текст] / В. А. Луков. 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 512 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Л.И. Скворцов. – М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. – 1360 с.
6. Чуковский К.И. В защиту Шелли. – М.: Весы, 1907. – [Электронный ресурс] URL.: <http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/v-zashhitu-shelli> (дата обращения: 08.09.2018)

Гурова Е.С., Алёшина О.И.
Теория и особенности перевода сленга

*ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
(Россия, Тула)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-403

idsp: ljjournal-06-2020-403

Аннотация

Являясь одним из наиболее выразительных средств художественной экспрессии, сленг вызывает трудности при переводе. Избранный вариант перевода должен раскрывать не только смысл сленгизма, но и его экспрессивно-стилистическую окраску. Переводчик может передать наиболее точную и необходимую степень воздействия, которой обладает оригинальный текст, только в том случае, если